

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

**БРАЧНЫЙ
ПРИГОВОР**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60   **Брачный приговор / Владимир Колычев. — Москва :**
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Колычев. Лучшая
криминальная драма).

ISBN 978-5-699-98591-3

Частный детектив Игнат Каратаев расследует дело о покушении на нотариального секретаря Леру Калининну. Когда-то она оформляла брачный договор на олигарха Аркадия Севрюгина. И вот теперь, разводясь с женой, богач неожиданно узнает, что согласно договору он полностью лишается своего состояния. Случайно ошиблась Лера при составлении важного документа или же была в сговоре с кем-то, кто желал разорения бизнесмена? Как бы то ни было, девушка была обречена расплатиться за содеянное своей кровью. Но брачный договор оказался лишь прелюдией к жуткой афере, и простое с виду уголовное дело вдруг предстало совсем в ином свете...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98591-3

© Колычев В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Часть первая

Глава 1

Шкаф закрывался на ключ, но замок был простейший, мебельный, а дверца сделана из тонкого гнущегося металла. Таковую отжать — не проблема. Достаточно просунуть в щель что-нибудь твердое и тонкое, приложить усилие, и калитка в рай откроется.

Именно так преступник и поступил. Он проник в процедурную, вскрыл медицинский шкаф и вынул из женской сумки кошелек. После чего исчез вместе с добычей и орудием труда. Когда это произошло, было непонятно. Пропажа обнаружилась в конце рабочего дня, когда процедурная сестра собиралась домой.

— Открываю сумку, а там!.. — Пышнотелая Ольга Витальевна протяжно вздохнула, глядя на своего начальника.

Доктор Макеев тоже собирался домой. В мыслях он уже был с женой и детьми, а тут происшествие, которое пятном ложилось на его отделение. Хочешь или нет, а надо разбираться.

— Что еще пропало? — спросил Игнат Каратаев.

Но женщина на него едва глянула. Игнат был всего лишь больничным охранником, безликим и скучным мужчиной в непритязательной униформе. Ольга Витальевна о нем и не вспомнила, узнав о пропаже, но Макеев мимо него не прошел. Если произошла кража, значит, виноват охранник. Игнат для того и позван был в процедурную, чтобы прочувствовал свою вину. Вряд ли Макеев рассчитывал на его помощь.

— Больше ничего не пропало, — заявила Ольга Витальевна. — Только кошелек.

Игнат присел перед шкафом, осмотрел дверцу. Следы взлома явные — деформация и скол краски по загнутой кайме, царапины. Видимо, инструмент у вора был не прямой, а с резким загибом, край которого соскоблил краску с внутренней стороны дверцы. Ширина пластины составляла сантиметра полтора-два.

Загиб на пластине в таких случаях — скорее препятствие, нежели содействие. Возможно, преступник воспользовался тем, что попало под руку.

— У вас есть какие-нибудь инструменты? — спросил Игнат.

Он глянул на нижнюю полку процедурного столика, стоявшего неподалеку, и увидел стальную пластину с прямоугольным загибом, лежащую на самом краю, между стеной и стерилизационным биксом.

— Какие-нибудь инструменты есть где-нибудь, — заявила Ольга Витальевна. — А в процедурном кабинете есть хирургические инструменты.

Игнат достал из кармана чистый носовой платок, осторожно взял пластину, поднес к окну.

— Крючок Фанабефа, — сказал Makeев и строго посмотрел на сестру.

Мол, почему хирургические инструменты валяются абы где?

— Да не было здесь крючка! — сказала та, косо глянув на Каратаева.

— А где он был? — спросил Игнат, разглядывая инструмент.

Крючок стальной, пластина тонкая, но прочная. Ширина подходящая, как раз полтора-два сантиметра. На такой пластине запросто мог остаться полноценный отпечаток пальца. Но крючок явно кто-то чем-то протер. Сначала использовал, а затем уничтожил все, что на нем осталось после взлома. Преступник явно не дилетант.

— В сухожаре. — Женщина кивком показала на стерилизационный шкаф, дверца которого не была заперта на замок.

— По всей видимости, преступник не готовился к взлому, — сказал Игнат. — В кабинет он заглянул случайно. Увидел, что никого нет, нашел подходящий инструмент, взломал дверцу.

Ему показалось странным место перед шкафом. Вроде бы там и чисто, как и везде, но видно, что пол замывался только здесь, а не во всем кабинете. В глаза эта странность не бросалась, но если приглядеться...

— Ольга Витальевна, вы пол здесь мыли? — спросил Игнат и обвел рукой место перед шкафом.

— Я должна отвечать? — Женщина глянула на своего начальника с возмущением, обращенным к Игнату.

Макеев кивнул и с укором посмотрел на нее. Действительно, что за глупые вопросы?

— Пол в кабинете моется регулярно.

— Даже если натоптали только перед шкафом?

— Кто здесь что натоптал? Просто просыпалось...

— Что именно просыпалось?

— Хлорамин, — выдавила из себя Ольга Витальевна как человек, в чем-то уличенный.

Игнат видел пластиковую банку, которая стояла на второй снизу полке. Между этой емкостью и боковой стенкой шкафа зияло свободное место. Видимо, эту пустоту не так давно занимала злополучная сумка.

Раствор хлорамина использовался для дезинфекции помещений. Порошок белого цвета должен был храниться в закрытой таре. В этом случае из банки ничего не просыпалось бы. Теперь у начальника могли возникнуть вопросы к подчиненной. Почему тара не была запечатана?

Отвечать на этот вопрос Ольге Витальевне явно не хотелось, потому она и занервничала. Именно так Игнат и подумал. Хотя у женщины могли быть и другие причины для беспокойства.

У него тоже возникли вопросы. Почему преступник опрокинул банку? Зацепил ее, вытаскивая сумку? Но вряд ли банка стояла впритирку с ней. Достаточно широкое дно служило хорошей опорой. Порошка в банке было достаточно много, а тяжесть усиливает устойчивость.

— Много просыпалось?

— Нет, совсем чуть-чуть.

— Значит, преступник поймал банку.

«И мог оставить на ней отпечатки пальцев», — мысленно добавил Игнат. Вслух он говорить этого не стал. Зачем? Дактилоскопия для него слишком сложна. Нет ни возможностей, ни полномочий.

— Но прежде чем поймать банку, он ее чем-то зацепил и потянул на себя. Возможно, этим крючком, — проговорил Игнат и в раздумье пожал плечами.

Так мог поступить только полный недотепа. Но если преступник сумел отжать дверцу и даже догадался протереть после этого инструмент, значит, он не такой. Эта кража явно не первая для него.

Может, он торопился, поэтому и повел себя неловко? Но нервный человек не полез бы в шкаф, зная, что процедурная сестра может вернуться в любой момент.

— Но преступник-то у нас опытный. Он бы себе такого не позволил. Если, конечно... — Игнат взял паузу.

Вдруг у преступника непроизвольно дернулась рука?

— Ольга Витальевна, кто из пациентов мог видеть, как вы ставите сумку в шкаф? — спросил Игнат.

— Думаешь, что пациент?.. — осведомился Макеев. — А то повадился тут к нам один посетитель.

— Пациент, — сказал Игнат.

Он отдал милицейской службе четырнадцать лет своей жизни и достаточно хорошо разбирался в специфике воровского дела. Некоторые субъекты работают исключительно по квартирам. Барсеточки обносят автомобили, марвихеры — гостиницы, клюквенники — церкви, майданщики — вокзалы. Есть и персонажи, которые специализируются на

больницах и поликлиниках. Но гораздо шире представлены универсалы, которые воруют везде.

— Почему ты так уверен? — спросил Макеев.

— Потому что у него невралгия. Рука самопроизвольно дергается. Скорее всего, правая.

— У Митина тремор после травмы! — заявила Ольга Витальевна.

— Он часто у вас бывает?

— Да каждый день. Сегодня, правда, не был. На выписку вроде бы идет, да, Юрий Дмитриевич?

Макеев промолчал, не меняясь в лице. Он не помнил, что там с Митиным, а ведь должен был владеть информацией. Заведующий отделением мог просто кивнуть, соглашаясь с процедурной сестрой, но вдруг та ошибалась? Поэтому Юрий Дмитриевич выбрал нейтральное молчание, в котором содержались и «да», и «нет».

— Глянуть бы на этого Митина, — сказал Игнат.

— Четырнадцатая палата, — подсказала Ольга Витальевна.

В больничном коридоре пахло лекарствами, хлорамином, а еще больше — новым пластиком и свежей краской. Ремонт был сделан везде, даже в палатах.

Дверь в палату Ольга Витальевна открыла по-хозяйски, размашисто.

Она переступила через порог и разорвала тишину трубным голосом:

— Митин, на процедуры!

С койки стал подниматься сухонький мужчина лет пятидесяти в больничной пижаме на два, если не

на три размера больше положенного. Игнат обратил внимание на брюки, которые тому пришлось подвернуть снизу.

Рукава на куртке тоже были завернуты. Но удлинить их ничего не стоило, чтобы использовать концы как перчатки. Или как тряпку, которой можно было стереть пальчики с крючка Фанабефа.

— Так я уже вроде бы все, — сказал мужчина.

Игнат заметил, как от волнения у него дернулась правая рука.

— Снимите, пожалуйста, брюки, — попросил он.

— Прямо здесь клизму будете ставить? — осведомился круглоносый толстяк с койки по соседству.

— Зачем? — Митин напряженно смотрел на Каратаева.

Он решал, нужно ли ему подчиняться какому-то охраннику.

— Снимай, тебе говорят!

Исход противостояния решила Ольга Витальевна. Она рывкнула на него, и Митин покорно снял брюки.

Сначала Игнат развернул загибы на штанинах и заметил там крупницы хлорамина. Затем он обратил внимание на паука, вытатуированного на правой ноге. Наколка старая, топорной лагерной работы.

— Откуда паучок? — возвращая брюки, спросил Игнат.

— Да так, в молодости баловался.

— Наркоман?

— Нет! — вскинулся Митин.

— Значит, вор. Паук вниз ползет, а не вверх. Завязал с этим делом?

Мужчина ничего не сказал, поджал губы и красноречиво глянул на Игната. Да, в лагере он был, срок мотал, но действительно завязал с воровством.

— А если завязал, зачем тогда лопатник дернул?

— Какой лопатник? — Митин опустил голову и вонзил в Игната взгляд, пущенный исподлобья.

— Порошок у тебя в штанах. Ты его просыпал, когда сумку вычищал. Да и пальчики на инструменте оставил, когда дверцу отжимал.

— Не было ничего. — Митин стух, отвел глаза в сторону.

— С Ольгой Вячеславовной договаривайся. Если она тебя простит, завтра домой уйдешь, если нет, за решеткой ночевать будешь.

— Если все вернет, прощу, — заявила женщина.

— А я пойду звонить в полицию, — сказал Игнат, поворачиваясь к мужчине спиной. — Пока не ушел, думай. — Он шагнул к двери, открыл ее.

— Хорошо! — не выдержал Митин. — Отдам все!

Игнат кивнул, не оборачиваясь. Не станет он вызывать полицию. Пусть это делает Ольга Вячеславовна, если ей это нужно.

Раскрытое дело его не воодушевляло. Во-первых, ничего серьезного, во-вторых, все равно.

Боевой задор в нем давно угас. Не было интереса к жизни. Так, вялое апатичное существование в режиме автопилота. Отходил смену, вернулся домой, выспался, потом снова на вахту. Так последние шесть месяцев. До этого было еще хуже — водка утром и вечером на протяжении полутора лет. С тех пор как в автокатастрофе погибли его жена и дочь. С того дня его жизнь остановилась.

Из органов он уволился, когда у него появилась Татьяна. Потом ее не стало, и Игнат свалился в штопор. Он вывел себя из этого крутого пике, но летел теперь низко-низко над землей. Даже волочился.

Последнее время в медицину вбухивались большие деньги. В больницу завозилась новая техника. У нечистых на руку людей появлялось искушение на этом поживиться. Плюс наркотические препараты, личные вещи сотрудников и пациентов.

Все это требовало охраны. Опять же пропускной режим. Работы немало, но, в принципе, ничего серьезного. Здесь не было той изматывающей круговерти, как на службе в органах. Да Игнату она и не требовалась. Ему бы смену отстоять — и домой, готовиться к новой скучной вахте.

Больница большая, на каждом этаже пост охраны. Под наблюдением у Игната сразу три отделения — реанимации, нейрохирургии, неврологии. Большую часть рабочего времени он сидел за пультом, но и обход территории — святое дело.

Игнат как раз собирался заняться этим, когда со стороны лестницы появился Макеев.

— Коротков?.. — с добродушной барской улыбкой спросил он.

— Каратаев. — Игнат скучно глянул на него.

— Ты раньше в полиции служил?

Игнат апатично кивнул и так же флегматично глянул на мужчину в светлом летнем костюме, который подходил к Макееву со спины, собираясь положить ему руку на плечо.

Рослый, статный. На вид лет тридцать пять. Высокий лоб, осмысленный взгляд, черты лица четкие, правильные, нос небольшой, с горбинкой, как у человека с творческим подходом к решению сложных проблем. Волосы не густые, но впусенные, чтобы скрыть намечающиеся залысины.

Лицо гладко выбрито, костюм дорогой, с иголочки, туфли чистые, новые, но все равно улавливалась некоторая помятость. Еще Игната смутил запах одеколona. Вроде бы и неплохой, но нестойкий, мало-насыщенный.

— Служил, — подтвердил Игнат и отвел взгляд от незнакомца.

Этот мужчина пришел с Макеевым. Значит, охраннику не должно быть до него никакого дела.

— Я так вчера и подумал. Быстро ты Митина раскрутил. — Макеев поощрительно улыбнулся.

Игнат вяло пожал плечами. Ему все равно, хвалят его или нет, лишь бы только не ругали.

— Тут у нас девушка в нейрохиргию поступила, — сказал Макеев.

— Нужно провести частное расследование, — продолжил мужчина. — Узнать, что с ней произошло.

— Этим занимаются частные детективные агентства.

— Я вам заплачу, — сказал мужчина.

Он смотрел на Игната внимательно, как будто изучал его. А может, подтверждал свое мнение, сложившееся о нем.

— Хорошо, — неожиданно для себя согласился Игнат.

Смена вот-вот закончится, и что ему тогда де-

лать? Идти домой? Там смертная тоска. А тут живое дело.

Деньги его не особо интересовали, но если заплатят, хорошо.

— Моя фамилия Миронников. Зовут Ярослав Николаевич. — Мужчина представился, но визитку, как принято в таких случаях, не протянул.

Почему? Не хочет светиться? Или связь с ним через Макеева?

— Вы тут поговорите. — Макеев по-дружески хлопнул Миронникова по плечу и ушел.

Игнат внимательно глянул на своего возможного работодателя.

Голову тот сегодня не мыл, волосы впустил щетинистой расческой. Причем сделал это при надетом пиджаке. Игнат заметил мелкие частицы перхоти на воротнике. Крупная выпадает сама. Если на пиджаке совсем уж мелкие частицы, значит, они вычесаны из волос.

Костюм новый, наглаженный. Стрелки до сих пор острые, но наведены вчера. С тех пор на брюках возникло множество поперечных складок, которые углубились от долгого пребывания в неподвижном положении. Возможно, в машине.

Еще Игнат заметил грязевое пятно на правой туфле. Это след от педали акселератора. Так бывает, когда машина с автоматом. Работать с газом и тормозом приходится одной ногой. Туфли Миронников не начищал, просто протер губкой, но грязевое пятнышко осталось.

На пиджаке тоже обнаружилось маленькое свежее пятнышко. Видимо, Миронников завтракал в машине, возможно, шаурмой.